

Рецепция Гоголя в украинской литературе 20-30-х годов XX века

Гоголь, по мнению украинского литературоведа начала XX в. Ивана Лакизы, “был барометром, которым можно было измерять спад и подъем общественных настроений, наблюдая за тем, как воспринимали Гоголя, можно было прийти к выводу об уровне общественных интересов, их изменении и их последовательном развитии»¹. Интерес к фигуре и творчеству Гоголя актуализировался в украинской литературе в связи с национально-культурным возрождением начала XX века, что отобразилось на появлении многочисленных переводов произведений писателя на украинский язык.

Рубеж 20-30 гг. XX века ознаменован в украинском гоголеведении выходом в свет пятитомника Гоголя на украинском языке под общей редакцией И. Лакизы и П. Филиповича. Появление многотомного издания произведений писателя как литературный проект всегда является определенным подведением итога рецепции его творчества в тот или иной период истории.

Во вступительном слове к первому тому «От издательства» говорится, что необходимость издания переводов произведений Гоголя давно созрела, что со времени выхода в 1859 г. в Саратове "Опыта переложения украинских повестей Гоголя на малороссийское наречие" Д. Мордовцева переводы и переработки не прекращались. Но по причине того, что давнейшие переводы Гоголя не могли полностью удовлетворить требований читательской аудитории того времени в связи с опережающим развитием украинского литературного языка на протяжении последнего революционного десятилетия, издательство решило дать украинскому читателю произведения Гоголя в новых переводах лучших современных переводчиков.

Из запланированных пяти современному читателю доступны лишь три тома – I, II и IV, каждый из которых кроме произведений Гоголя содержит литературно-критические статьи.

В I томе напечатаны статьи "Николай Гоголь" И. Лакизы, "Украинская стихия в творчестве Гоголя" П. Филиповича и произведения из "Вечеров на хуторе близ Диканьки" ("Сорочинская ярмарка" (пер. А. Харченко), "Вечер накануне Ивана Купала" (пер. Д. Ревуцкий), "Майская ночь, или Утопленница" (пер. М. Рыльский), "Пропавшая грамота" (пер. А. Никовский), "Ночь перед Рождеством" (пер. М. Рыльский), "Страшная месть" (пер. А. Харченко), "Иван Федорович Шпонька и его тетушка" (пер. Н. Зеров), "Заколдованное место" (пер. С. Титаренко)); завершают том примечания и дополнения: "Примечания к тексту" (А. Никовский), "К иллюстрациям, размещенным в I томе" (А. Артюхова), "Хронологическая канва жизни и творчества Н. Гоголя" (П. Филипович).

II том содержит статьи "Бытовые рассказы «Миргорода»" Е. Перлина, "Тарас Бульба как историческая повесть" С. Родзевича, произведения из "Миргорода" ("Старосветские помещики" (пер. С. Вильховый), "Тарас Бульба" (пер. А. Василько), "Вий" (пер. А. Харченко), "Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" (пер. М. Рыльский)) и приложения ("К иллюстрациям, размещенным во II томе" (А. Артюхова)).

IV том включает статью "Петербургские повести Н. Гоголя" В. Петрова и повести "Невский проспект" (пер. Е. Плужник), "Записки сумасшедшего" (пер. М. Рыльский), "Нос" (пер. М. Рыльский), "Шинель" (пер. А. Харченко), "Коляска" (пер. М. Рыльский), "Портрет" (пер. Н. Зеров).

Статьи, помещенные в пятитомнике, занимают важное место среди литературно-критических работ того времени. Первая вступительная статья первого тома – «Николай Гоголь» Ивана Лакизы. Талант, по мнению критика, в противостоянии противоречий эпохи "горит, разворошенное пламя внутренней борьбы опаливает части организма, нарушает его

равновесие, ломает целую организацию"². Так случилось и с талантом Гоголя: "противоречивость, дисгармоничность, наконец, вроде бы двойственность Гоголевской натуры" "красной нитью проходят через всю жизнь Гоголя, через все его душевные переживания, которые прослеживаются в его переписке, во всех его личных отношениях, во всех самых мелких движениях его мятежной души"³. Гоголь, по словам Лакизы, – "это натура весьма сложная своей духовной организацией, нежная, чувствительная, которая взяла на себя все: радости и соли, наказания и награды, славу и хулу". "Второй подобной Гоголю фигуры, которая была бы так затейливо сплетена из наилучших противоположностей и контрастов, не знала даже история всей мировой литературы"⁴. И. Лакиза дает короткий обзор вариантов разгадки "тайны писательской психологии" такими исследователями Гоголя, как Котляревский, Брюсов, Овсяннико-Куликовский, Переверзев, Гиппиус, Мережковский, Венгеров.

Двойственность творчества Гоголя, по мнению Лакизы, "определялась то украинской стихией, стихией, которая под влиянием особенностей тогдашней эпохи пленила Гоголя и в фактах исторического прошлого искала выход для новых освободительных идей и подогревалась общеромантическим литературным течением, то определялась социальными рамками мелкопомещичьего окружения, в котором Гоголь рос и сформировался как художник"⁵. Борьба этих двух стихий, которые пленили Гоголя, и определяет, по мнению Лакизы, специфическую особенность духовной жизни Гоголя. Как иллюстрацию этой борьбы автор приводит общеизвестное письмо Гоголя про "хохлацкую" или "русскую" душу. Литературовед констатирует: "Мы сознательно обходим дискуссии по этому поводу, ибо знаем: Гоголь по происхождению украинец, в детстве рос в окружении украинском, в его творчестве есть много элементов украинской стихии, на его стиле, на языке они ярко отобразились, проявлял он большой интерес к истории Украины, ее быту и знаком был с украинской литературой. Творчество Гоголя было все время слишком популярно в Украине и в

значительной степени прислужилось украинскому национально-культурному движению. И Гоголю по этой причине должно принадлежать важное место в истории украинского писательства"⁶.

Приводит И. Лакиза и мысли М. Драгоманова о Гоголе и его месте в истории украинской литературы: "Писатели, которые вышли из конкретной нации и говорили о жизни ее, а также удержали конкретные особенности национального характера, должны найти место и в истории литературы той нации. Именно таков случай с Ник. Гоголем, который мало того, что писал об украинских вещах, но еще проявлял лучше, нежели кто другой, одну из основных черт нашего национального характера – юмор..."⁷.

Ответ Ивана Лакизы на "каверзный вопрос", почему Гоголь, будучи украинцем, не писал на украинском языке, таков: это случилось благодаря специфической особенности николаевской эпохи, социальному происхождению Гоголя, возможности русской литературы, в отличие от украинской, обеспечить писателя материально. Не исключая возможности, что Гоголь мог бы писать и по-украински, И. Лакиза приводит слова проф. Мандельштама о том, что "писав по-русски, Гоголь часто думал по-украински", и это было бы видно из самих текстов, если бы редакторы Гоголевских текстов не приложили рук своих, чтобы изъять из них "малороссийщину"⁸. Еще один аспект восприятия трагической фигуры Гоголя И. Лакизой – это изображение социально-экономических обстоятельств николаевской эпохи в истории России как эпохи самодовольного бюрократизма, военной диктатуры, эпохи лжи, насилия, цензурного террора, позорных доносов, эпохи общественного застоя, казенного патриотизма.

В завершении своей вступительной статьи критик отмечает, что ему порой тяжело найти что-то общее между автором "Вечеров", этих веселых, фантастических рассказов, навеянных украинской природой и бытом, пропитанных украинским юмором, которыми Гоголь начал свой литературный путь, автором «Тараса Бульбы», этого пафоса украинского прошлого,

между автором "Ревизора" и "Мертвых душ", не говоря уже об авторе "Переписки", тяжелым и ограниченным морализмом которой писатель закончил свое творчество. И. Лакиза объясняет этот феномен Гоголя не его психологическим заболеванием, а опять же социальными обстоятельствами, в которых он сформировался как художник и жертвой которых он сам и стал: "В особе Гоголя обозначилась борьба двух противоположных течений общественного развития: талант Гоголя полностью пленило прогрессивное течение, <...> ему Гоголь служил несознательно, сам об этом не зная, а как человек, как сумма приобретенного в человеке жизненного опыта, Гоголь принадлежал другому регрессивному течению, воспитанному на традициях крепостничества, его незыблемости, его идеологии. И тут нужно искать источник того разлада, который в конце концов привел Гоголя к такой ужасной его судьбе"⁹. Последний штрих статьи к портрету Гоголя – утверждение И. Лакизы о том, что в повести "Портрет" подытожен весь жизненно-творческий путь писателя: разворошив действительность жизни, нарисовав образ ростовщика – символ человеческого зла, Гоголь испугался его и устремился искупить этот грех духовными исканиями.

Следующая литературно-критическая статья первого тома – «Украинская стихия в творчестве Гоголя» Павла Филиповича. Автор указывает на неоднозначность отношения к Гоголю в украинском культурном процессе, приводя формулу С. Ефремова "Между двумя душами" (1909 г.), и объясняет влияние Гоголя на развитие украинской литературы присутствием украинской стихии в его творчестве, цитируя М. Драгоманова: "Ни М. Вовчок, ни Нечуй не мыслимы без Гоголя"¹⁰. Украинский элемент в произведениях Гоголя рассматривается Филиповичем в следующих ракурсах:

1) сквозь призму биографических данных (заведение Гоголем в 1826 г. в Нежине "Книги всякой всячины или подручной энциклопедии", в которой много места отведено украинской истории, этнографическим материалам, "Лексикона малороссийского"; обращение в письме к матери с

просьбой прислать детальные описания украинских традиций, обрядов и костюмов; увлечение на протяжении 1823-1831 гг. сбором фольклора, в частности, украинских народных песен);

2) сквозь призму влияний украинской литературной традиции на творчество Гоголя, а именно Котляревского и Гулака-Артемовского (эпиграфы, взятые из "Энеиды" Котляревского, "Пана и собаки" Гулака-Артемовского, имена персонажей, взятые из басни Гулака-Артемовского "Солопий и Хивря" в "Сорочинской ярмарке"; похожие описания черта в балладе Гулака-Артемовского "Твардовский" и "Ночи перед Рождеством" Гоголя);

3) в контексте интереса к Украине в российском обществе, в частности, в писательстве в 20-30-е гг. XIX в. В эти годы выходят в свет "Полтава" Пушкина, "Войнаровский" Рылеева, образуется "украинская школа" в русской литературе, Гоголь лично знакомится с отдельными представителями этой школы. В русских периодических изданиях того времени появляются украинские произведения.

Статья Филиповича издавалась отдельной брошюрой за границей, ее много раз цитировали исследователи творчества Гоголя, ее идеи до сих пор живы в гоголеведении. По мнению Ю. Луцкого, «возможно, последнее самостоятельное видение гоголевских украинских корней, явленных в Украине, принадлежит Павлу Филиповичу»¹¹.

Во втором томе размещены статьи: "Бытовые рассказы "Миргорода" Евгения Перлина и «Тарас Бульба» как историческая повесть" Сергея Родзевича.

Е. Перлин в своей статье рассматривает повести "Старосветские помещики" и "Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" не только как переходной этап от романтизма "Вечеров" к натурализму "Ревизора" и "Мертвых душ", а и как переход от одной национальной тематики к другой. "Миргород", по мнению Е. Перлина, ликвидировал традиции украинской литературы в творчестве Гоголя. Автор статьи

отмечает, что Гоголь, как и все писатели-украинцы того времени, хоть и исходил из любви к своей стране, но приспособлял свои национальные интересы к господствующим вкусам в литературе, к экзотическим требованиям, к моде на украинские темы. Так был создан русско-украинский жанр, "малороссийский" экзотизм, который, по высказыванию Перлина, не был ни российской, ни украинской литературой. "Старосветские помещики" – экзотическая украинская мелкопомещичья идиллия, которая генетически ближе стоит к "Вечерам", нежели к "Как поспорился"¹². Товстогубы для Гоголя были оплотом украинского национального сознания. Как социальные типы они ничем не отличаются от Перерепенка и Довгочхуна; как литературные типы они – продукты разной методы – романтической и натуралистической. По мнению Е. Перлина, повести отображают разные течения в творчестве писателя. Одно произведение еще оглядывается на романтику, мотивированную украинским мелкопомещичьим бытом. Второе являет собой выход из украинской тематики, которая фигурирует тут уже не в виде экзотики, а как конкретная социальная категория¹³.

По мнению автора, обе повести "Миргорода" в понимании творческого развития Гоголя "служат его классово-национальным проявлением, и очевидно, что здесь начертано и дальнейшее негативно-критическое отображение помещичьего быта и освобождение от украинского цветастого этнографизма. Вполне понятно, что обе тенденции тесно между собой связаны, и первая, то есть борьба с мелкопомещичьим мироощущением, мотивирует вторую, то есть отход от романтического национализма"¹⁴.

В статье "Тарас Бульба" как историческая повесть" Сергей Родзевич описывает "казацкую" стихию Гоголя, его интерес к историческому прошлому Украины, дает характеристику жанровым особенностям "Тараса Бульбы", проводит сравнение с Вальтером Скоттом, дает сравнительный анализ первой и второй редакции повести и приходит к умозаключению: Гоголю было свойственное сугубо личное, творческое восприятие

украинской истории в аспекте героической национальной романтики, которую он неудачно старался углубить, связывая ее с идеей славянского мессианизма¹⁵.

Вступительная литературно-критическая статья к четвертому тому "Петербургские повести Н. Гоголя" принадлежит Виктору Петрову. По его мнению, угроза буржуазной революции, которая должна была устранить с исторической арены России аристократию и дворянство, остатки феодального строя, выдвинула на первый план вопрос о капиталистическом буржуазном перерождении России и актуализировала понятие "третий класс", которое и ставит в центр своих повестей Гоголь. Идеологическая направленность всех "Петербургских повестей", по В. Петрову, содержится в мысли, что "буржуазия – зло", что "зло капитала в его тирании над трудом", что деньги руководят искусственной, условной обманчивой жизнью города, которая меняет и губит человека. Негация к буржуазному обществу, падению всех моральных ценностей, "новой религии денег, вещей и товаров" – основная формула доктрины романтиков 30-40-х годов XIX в., к ним критик зачисляет и Гоголя, суть их антикапиталистических и антиурбанистических обвинений состоит в том, что буржуазное общество, втягивая человека в систему товарооборота, уничтожает человеческую личность, "обезличивает" его, человек теряет свое "я", человеческое достоинство, превращается в простую обменную ценность. В "Портрете" Гоголь "воплотил меркантилизм" в образе мифологизированного ростовщика, который отображает негативное демоническое влияние денег большого города¹⁶. По мнению В. Петрова, Гоголь в "Петербургских повестях" боролся не против николаевской крепостническо-феодальной действительности, а со своим "энтузиазмом" государственности выступал "вместе с правительством" против тенденций буржуазно-капиталистических¹⁷.

В. Петров также проводит параллель Карлейль – Гоголь сквозь призму "философии одежды", с помощью которой оба автора выступают с романтическим протестом против "отоваривания" человека в буржуазном

обществе. Критик иллюстрирует это примером Акакия Акакиевича из "Шинели". Ставя Гоголя в один ряд с такими романтиками, как Карлейль, Гофман, Бальзак, Петров констатирует: «Гоголь вместо человека дает не особу, а одежду, не лицо, а предмет, геометрическую формулу, стереометрическую фигуру; вместо человека Гоголь рисует куб, квадрат и ракрашивает этот куб в нейтральный цвет»¹⁸.

Исследователь отмечает, что в "Петербургских повестях" Гоголь развил общую романтическую идею о разладе художника с действительностью¹⁹. В. Петров также указывает на связи Гоголя в "Петербургских повестях" с "сатанинской школой", называя его произведения литургией сатане, исходя из постулата, что предназначение современного автора не красота, а уродливое, демоническая негация.

Критик видит в сожжении Гоголем перед смертью «Мертвых душ» «глубокую и последовательную логику». «Отрицая современность, провозглашая пассаизм не только как пассивное любование прошлым, но и как неопределенный принцип политической акции, то есть, объединяя эстетический антикваризм с консерватизмом, Гоголь из отправного тезиса об отрицании эстетической деятельности должен был прийти к выводу о ненужности для современности искусства»²⁰. По мнению Петрова, "Портрет" стал первой попыткой авторского отрицания, аутодафе искусства, самоосуждения. Критик приходит к выводу, что "Портрет" был не "эстетическим манифестом" Гоголя, а манифестом "изжитого эстетизма", и перед автором "Петербургских повестей" лежал дальнейший путь отрицания искусства: "политически-экономических" "Выбранных мест из переписки с друзьями" и сожженных "Мертвых душ".

Первые два тома пятитомника вышли в 1929 и 1930 гг. в Киеве в издательстве «Книгоспілка», ликвидированном в 1831 г.; четвертый том вышел в издательстве «Література і мистецтво» (Киев–Харьков) в 1932 г., году завершения украинизации, после которого последуют голодомор 1933 г., массовые репрессии 30-х гг. украинской интеллигенции,

большевистские постановления о борьбе с "украинским буржуазным национализмом". Выход пятого тома в таких условиях был вряд ли возможен, судьба третьего тома неизвестна, но об их содержании мы можем судить из вступления к первому тому, где размещен предварительный план всего издания. Так, в третьем томе должен был быть напечатан перевод "Мертвых душ" на украинский язык (возможно, Григория Косынки, расстрелянного в 1934 г.), а в пятом – перевод драматических произведений ("Ревизор", "Женитьба", "Игроки") и статьи "Драматическое творчество Н. Гоголя" и "Гоголь в украинском писательстве"²¹.

Судьба многих людей, причастных к пятитомному изданию переводов произведений Гоголя на украинский язык, – трагична: были арестованы А. Никовский, С. Титаренко, М. Рыльский, жертвами репрессий стали В. Подмогильный, Н. Зеров, П. Филипович, вчерашний ортодокс И. Лакиза тоже был занесен в реестр "диверсий классового врага" в сфере украинского литературоведения, трагически погибли Д. Ревуцкий и Е. Плужник. Их имена как имена «врагов народа» безжалостно вычеркнуты или вырваны со статьями из тех немногих экземпляров пятитомника, которые доступны современному читателю. Так попытка пятитомного издания переводов Гоголя на украинский язык стала своеобразным трагическим финалом рецепции творчества писателя в украинском литературно-критическом сознании 20-30-х годов XX века.

---

¹ *Лакиза І.* Микола Гоголь // Гоголь М. Твори в 5 т. К.: Книгоспілка, 1929. Т. 1. С. X-XI.

² Там же. С. IX.

³ Там же. С. XIII.

⁴ Там же. С. XII-XIII.

⁵ Там же. С. XXI.

⁶ Там же. С. XXII.

⁷ Там же. С. XXII.

⁸ Там же. С. XXIII.

⁹ Там же. С. XXXVIII.

¹⁰ *Филипович П.* Українська стихія в творчості Гоголя. – Вінніпег: Читальня просвіти, 1952. 31 с. С. 6.

-
- ¹¹ *Луцький Ю.* Страдництво Миколи Гоголя, званого також як Ніколай Гоголь: Пер. з англ. К.: Знання України, 2002. С. 114. (Сер. «Гоголезнавчі студії»; Вип. 11). С. 17.
- ¹² *Перлін Є.* Побутові оповідання "Миргороду" // Гоголь М. Твори в 5 т. К.: Книгоспілка, 1930. Т. 2. С. XIII.
- ¹³ Там же. С. XXV.
- ¹⁴ Там же. С. XV.
- ¹⁵ *Родзевич С.* "Тарас Бульба" як історична повість // Гоголь М. Твори в 5 т. К.: Книгоспілка, 1930. Т. 2. С. XXVI-LXV.
- ¹⁶ *Петров В.* Петербурзькі повісті М. Гоголя // Гоголь М. Твори в 5 т. – К.-Х.: ЛіМ, 1932. Т. IV. С. X-XI.
- ¹⁷ Там же. С. XIV-XV.
- ¹⁸ Там же. С. XXX.
- ¹⁹ Там же. С. XXXVIII.
- ²⁰ Там же. С. LVI.
- ²¹ Від видавництва // *Гоголь М.* Твори в 5 т. К.: Книгоспілка, 1929. Т. 1. С. V-VI.